

3. Снапкоўскі, У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі, 1944 – 1953 гг. / У. Снапкоўскі. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – 207 с.
4. Освобожденная Беларусь: док. и материалы. В 2 кн. Кн.2. – Минск, 2005.
5. Бушчык, Г. Міжнародныя пагадненні аб рэпарацыях і іх паступленне ў БССР у 1945 – 1946 гг. / Г. П. Бушчык // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – №8. – С. 1—15.
6. Экономика Советской Белоруссии 1917 – 1967. / Ф. С. Мартинкевич [отв. ред.], З.И. Георгидзе, М.Г. Матусевич [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1967.
7. Бушчык, Г.П. Унутрысаюзныя сувязі БССР паўвозе і вывазе прамысловай прадукцыі ў 70 – 80-я гг.ХХ ст. / Г. П. Бушчык // Весці БДПУ.– Сер. 2, Гісторыя Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2006. – № 4. – С. 3 – 9.
8. Статистический ежегодник Республика Беларусь, 2000. – Минск: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2000. – 583 с.
9. Бушчык, Г. П. 5.3.5. Развитие внешнеэкономических связей Беларуси / Г. П. Бушчык // История Беларуси: в контексте мировых цивилизаций : учеб.- метод. пособие. 2-е изд./ В. И. Голубович [и др.]; под ред. В. И. Голубовича, Ю.Н. Бохана. – Минск : Эксперспектива, 2010. – 464 с. С. 406 –411.

*И.Л. Васильева, кандидат философских наук, доцент
БГЭУ, г. Минск
ira777da@gmail.com*

ИСТОРИЗМ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Связь нового генерируемого знания с историческими формами уже наработанного наличного знания в методологии науки обеспечивает принцип историзма. Также этот принцип представляет собой рефлексию по поводу этих форм. Так, в философии такая рефлексия нашла свое отражение в выделении исторически сменяющих друг друга типов рациональности. Осознание историчности знания, нарастание критики науки как доминирующей формы духовного освоения реальности, увеличение в обществе по отношению к ней оппозиционных настроений индуцируют возрастающее внимание к проблеме важности анализа традиционных форм устройства социума и решения целого ряда социальных проблем, в том числе проблем осуществления воспитательной деятельности.

В этом смысле представляет интерес особенность мышления древних китайских философов, с которой можно столкнуться почти в любом философском тексте, – обоснование ссылкой на парадигматические исторические примеры, т.е. аргументы, представляющие собой ссылку на исторический пример [1]. Древние китайцы во всех важных вопросах постоянно обращаются к собственной истории и осмысливают большинство складывающихся сложных ситуаций через историю. И поэтому вопрос о том, как правильно управлять государством ими тоже решается через обращение к истории, к некоторым историческим событиям, которые они берут в качестве типичных примеров и которые затем экстраполируют на современность. Так, в тексте «Писания правителя Шан» конфуцианец Ган Лун заявляет: «Я слышал, что совершенномудрый наставляет народ, не изменяя [обычаев], умный [добивается] хорошего управления, не изменяя законов. Тем, кто наставляет народ, сообразуясь с его желаниями, успех будет достигнут без труда; у того, кто [добивается] хорошего управления, придерживаясь [установившихся] законов, чиновники опытные, а народ пребывает в спокойствии. Ныне, если вы измените законы и не будете следовать старым [порядкам] Циньского

государства, измените ритуал и станете [по-иному] наставлять народ, я опасюсь, что Поднебесная осудит вас, государь. Хочу, чтобы вы разобрались в этом» [2, 212] .

Следует признать, что в постиндустриальном обществе догматические ориентиры теряют популярность, и в связи с этим появляется вопрос по поводу уместности и актуальности традиционных общественных установлений. Однако именно в постиндустриальном обществе происходит осознание рисков развития цивилизации, чему соответствует повышение значения духовных вопросов. В переломные моменты общественного развития можно наблюдать возвращение к духовно-ценностным основам утопий, появившихся в рамках совершенно других экономических условий. Так, проблема общественного идеала, некогда заданная Конфуцием в понятии датун (Великого Единения), приобретала особую актуальность не единожды. Например, в период Движения за реформы 1898 г., затем после начала строительства социализма в Китае и в современных условиях. Традиционная государственность оставила в наследство КНР множество больших и малых особенностей. Важнейшие из них – это практицизм и использование этических норм для управления государством путём воспитания населения. Концепт Великого Единения присутствовал в системе управления империей, зримым доказательством чего является надпись над воротами пекинского храма Конфуция: тянь ся да тун (Великое Единение Поднебесной), где происходил важнейший для императорского Китая ритуал сдачи экзаменов на замещение гражданских и военных должностей. Рассматривая проблему китайского общественного идеала, несложно убедиться, что реформаторы начала XX в., такие как Кан Ю-вэй, оперировали едиными понятиями, рассуждая о конечных целях развития и модернизации китайского общества. В своих ранних трактатах, например, Ши ли гун фа («Основная истина и всеобщий закон») Кан Ю-вэй стремился вывести наиболее общие законы в отношениях между людьми, что впоследствии составило основу его утопии Великого Единения [3]. Далее в Китае понятие датун приобрело серьёзное отличие от описанного Кан Ю-вэй: Великое Единение может использоваться и как апология китайского национализма, при Мао антисоветского и антизападного, и антиглобалистского по направленности в настоящее время. Урегулирование отношений между национальными государствами выступает на передний план в современной китайской трактовке датун.

Еще одним традиционным концептом, выработанным в культуре Китая, является «общество малого благоденствия» («сяокан»), описанное еще в «Книге песен» знаменитого китайского «Пятикнижия». Древние конфуцианцы полагали, что общество малого благосостояния сяокан, когда люди обеспечены основными условиями для жизни, – это ступень к идеальному обществу, датун. С течением времени критерии сяокан, как политические, так и экономические, менялись. Сяокан даже удалось интерпретировать в соответствии со значениями экономического коэффициента Энгеля, который отражает этапы повышения благосостояния населения. В наше время показатель коэффициента Энгеля в развитых странах, таких как США и Канада близок к 20, а в Британии и Японии – к 25%. В Китае в начале реформы 1979 года данный показатель превышал 60%. В 2000 году он упал ниже 50 процентов. В 2012 году снизился до 33, а в 2017 году – до 30 процентов. Таким образом, можно считать, что намеченную ранее планку стадии сяокан китайское общество уже достигло и находится на начальной стадии «фуэй», общества всеобщей зажиточности.

Таким образом, исторически отработанные идеи не утрачивают свой воспитательный потенциал и могут успешно выполнять роль стратегической концепции культурной безопасности в мире, стремительно утрачивающим идентичности.

Список использованных источников:

1. Рыков, С.Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. – М. : ИФРАН, 2012.
2. Древнекитайская философия. Т. 2. – М. : Мысль, 1973.

3. Мартынов, Д.Е. Конфуцианский утопизм в политической теории Китайской Народной Республики (современное состояние) // Учёные записки Казанского гос. унта. – 2007. – Т. 149, кн. 4. Серия «Гуманитарные науки». – С. 186 – 192.

*Т. В. Воронич, кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ, г. Минск
vtt1@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ БЕЛАРУСИ – ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Школьные экскурсии начинают занимать заметное место в воспитательном и образовательном процессе в учебных заведениях городов Беларуси с 1900–1901 гг., после издания циркуляра министра народного просвещения, которым были введены для учащихся летние образовательные прогулки и путешествия.

Дать полную картину развития школьной экскурсионной деятельности довольно сложно, поскольку отсутствуют полные статистические данные. Первая попытка исследования была предпринята в 1910 г. Отделом Естествознания Педагогического Музея Военно-Учебных заведений в Санкт-Петербурге. Отделом была составлена и разослана анкета для изучения положения естествознания. Ответы были получены из 211 учебных заведений, в том числе из Вильны, Гродно и Могилева. Экскурсии проводились в 73 % всех учебных заведений, которые прислали данные. Причем экскурсии проводились в 89 % мужских и лишь только в 44 % женских гимназий. В большинстве случаев экскурсии носили необязательный характер и проводились по инициативе отдельных преподавателей.

Лишь только в единичных учебных заведениях экскурсии имели обязательный характер. В конце 1900-х гг. в Российской империи в некоторых учебных заведениях были сделаны попытки придать экскурсиям системный характер, связать их с учебными планами, сделав экскурсии одним из методов школьного обучения. Экскурсии были включены в учебные программы и организовывались на средства самих учебных заведений.

По данным анкет в среднем в каждом классе проводилось по 1–2 экскурсии в год. В большинстве случаев проводили экскурсии по ботанике, зоологии, геологии. Экскурсии по химии проводились в виде посещений заводов и фабрик, по физике – различных лабораторий, по анатомии – анатомических музеев, а в одной из гимназий учащиеся даже присутствовали при патологоанатомическом вскрытии тела.

Преподаватели организовывали и проводили экскурсии исключительно по доброй воле, не получая за свой труд никакого вознаграждения. Вопрос оплаты труда преподавателей за организацию и проведение экскурсий обсуждался неоднократно. Так, в 1901 г. министр народного просвещения принимая во внимание, что 1) преподаватели тратят много личного времени на организацию и проведение экскурсий, 2) во время экскурсий возможны личные финансовые расходы преподавателей, 3) неизбежно физическое утомление преподавателя во время экскурсий, особенно загородных, предложил установить следующие нормы вознаграждения учителям за каждую экскурсию в размере: 5 руб. за городскую и 10 р. за загородную.

Постепенно школьные экскурсии набирали популярность. Экскурсии становятся важной частью учебно-образовательного и воспитательного процесса. Экскурсии должны были содействовать физическому развитию, эстетическому и интеллектуальному